

СОНА СКОФИЛД

ЛЕКАРКА РОДОВЫХ КЛЯТВ.
ВОЛЧИЙ КОРОЛЬ,
ВАША СТАЯ
ОТРАВЛЕНА

Сона Скофилд

**Лекарка родовых клятв. Волчий
король, ваша стая отравлена**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Лекарка родовых клятв. Волчий король, ваша стая отравлена /
С. Скофилд — «Автор», 2026

У детей Семи Стай одно за другим срывается первое превращение. Придворные лекари называют это случайностью, но я вижу признаки отравленной родовой клятвы — той самой болезни, за разговоры о которой моего отца объявили предателем. Я — Верана Таль, опальная лекарка. Чтобы доказать диагноз, мне придется войти в Серый дворец и работать рядом с Дареном, волчьим королем, чьи показания разрушили мою семью. Он привык спасать страну приказами. Я привыкла доверять только фактам. И чем ближе мы подбираемся к виновнику, тем яснее: яд скрыт в самой защите Семи Стай, а за силу короны годами расплачивались обычные оборотни. Между мной и Дареном нет истинной связи. Только опасное доверие и выбор, который мы должны сделать сами. Если я остановлю клятву, границы останутся без защиты. Если промолчу, следующего превращения могут не пережить тысячи.

Содержание

ГЛАВА 1. Ребенок без отклика	5
ГЛАВА 2. Условия волчьему королю	11
ГЛАВА 3. Второй ритм	17
ГЛАВА 4. Семь палат	23
ГЛАВА 5. Цена молчания	29
ГЛАВА 6. Глухая примесь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сона Скофилд

Лекарка родовых клятв. Волчий король, ваша стая отравлена

ГЛАВА 1. Ребенок без отклика

Подросток начал превращаться, когда я еще не успела спросить его имя.

Он стоял у стены приемной, придерживая правую руку левой, и старался не смотреть на собственные пальцы. Ногти уже потемнели и стали толще. Суставы медленно выворачивало, однако шерсть не появлялась, плечи сохраняли человеческую ширину, а дыхание сбивалось после каждого третьего вдоха.

Я отодвинула табурет ногой и освободила проход к процедурной.

— Лисса, закрой входную дверь. Госпожа, помогите ему снять куртку.

Женщина в сером дорожном плаще не спросила зачем. Это было первым разумным поступком за те несколько минут, что она провела в моей лечебнице. Она сорвала застёжки, стянула с мальчика куртку и замерла, увидев серые полосы вдоль его ребер.

— Они появились утром, — сказала она. — Придворный врач велел дать ему настой коры.

— Потом.

Я взяла мальчика за запястье. Пульс шел быстро, но ровно. Между двумя ударами появился третий, слабый и запоздалый. Его нельзя было принять за обычное дрожание мышц. Я считала до десяти, проверила снова и позвала Лиссу.

— Вода с солью. Два кувшина. И широкий ремень, только не затягивай.

— Я не позволю привязать его, — резко сказала женщина.

— Тогда держите сами. Если изменятся плечи, он упадет вперед и сломает челюсть о край стола.

Она посмотрела на каменную столешницу и сразу встала за спиной мальчика. Лисса подала ремень, и мы провели его под руками, оставив свободным грудной отдел. Я не любила ограничения во время первого оборота. Иногда паника вредила сильнее самой смены формы. Сейчас выбор был между испугом и травмой.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Орен.

Его голос изменился только на последнем слогe. Звук стал ниже, затем снова детским.

— Орен, ты слышишь меня хорошо?

Он кивнул.

— Ответ словами.

— Слышу.

— Звон в ушах есть?

— Иногда. Будто далеко бьют по стеклу.

Женщина крепче взялась за ремень. На ее правой руке не было колец, зато запястье пересекал тонкий след родовой связи. Такой знак оставался после ежегодного подтверждения общей клятвы. У подростков его быть не должно: клятву приносили только после устойчивого первого оборота.

Я разрешила шнуровку на рубаше Орена. Кожа над сердцем была горячее шеи, а под левым ребром сокращалась мышца, которая в человеческом теле обычно не работала. Волчья форма пыталась собрать грудную клетку и отступала, не завершив движение.

— Когда это началось?

— Десять дней назад, — ответила женщина. — Сначала по вечерам. Он спал по двенадцать часов, перестал есть мясо. Три дня назад начались судороги.

— Первый оборот уже был?

— Нет. В этом и проблема.

— Это часть проблемы. Кто его лечил?

Она назвала двух столичных врачей и одного наставника по превращениям. Все трое имели право сопровождать первый оборот. Ни один не был лекарем клятв.

Я работала в Камене девять лет. За это время родители успели привыкнуть, что перед обследованием я спрашиваю о еде, воде, поездках, лекарствах, семейных болезнях и только потом ставлю на стол счетную раму. От магического инструмента люди ждали быстрого ответа. От обычных вопросов — задержки, за которую им приходилось платить.

— Он не приносил клятву, — сказала женщина, заметив, куда я посмотрела. — И не мог получить повреждение связи.

— Пока я не измерила отклик, это предположение.

— Закон не подключает детей.

— Закон не вызывает судороги. Лисса, сколько он выпил в дороге?

— Полкружки. Больше не смог.

Моя помощница принесла таз и два кувшина. Мы давали Орену воду по два глотка, ждали, проверяли, не началась ли рвота. Пальцы постепенно приняли человеческую форму, но третий удар не исчез.

Лишь тогда я позволила себе посмотреть на незнакомку внимательнее. Дорожный плащ был простым и испачканным у подола. Под ним виднелось платье из плотной синей шерсти, сшитое без украшений, но по столичной мерке. Женщина приехала не одна: за матовым стеклом двери стоял мужчина в темной форме. Он держался достаточно далеко, чтобы не слышать разговор, и достаточно близко, чтобы войти за одно движение.

— Мне нужны ваши имена для журнала.

— Нелла. Сына вы уже знаете.

— Полные.

Она задержалась на секунду.

— Разве это влияет на лечение?

— На лечение влияет правдивая история. На оплату и ответственность — полное имя. Орен открыл глаза. До этого я не заметила, что он их закрыл.

— Мама, скажи.

Нелла провела ладонью по его влажным волосам.

— Нелла Рейн. Орен Рейн.

Ложь прозвучала ровно. Я не умела определять ее по голосу и не собиралась делать вид, будто умею. Фамилия могла быть настоящей. Охранник мог сопровождать богатую вдову, предпочитающую лечиться без огласки. Для медицинского журнала мне требовались документы, но мальчику было плохо сейчас.

— Хорошо. Мы сначала закончим обследование, потом вы покажете дорожное удостоверение.

Я попросила Орена перейти в процедурную. Он попытался встать сам, однако левая нога не удержала вес. Лисса подхватила его за локоть. Нелла сделала шаг, и я остановила ее рукой.

— Не тяните. Поддерживайте под лопаткой.

— Я знаю, как держать собственного сына.

— Сейчас его тело меняет пропорции. Делайте, как я говорю, или ждите снаружи.

Она ничего не ответила и переставила руку.

В процедурной помещались стол, шкаф с растворами и счетная рама, купленная мною у уходившего на покой лекаря. На деревянной основе стояли шесть стеклянных игл. Две кварцевые пластины вставлялись в боковые зажимы, а между ними вращался барабан с восковой лентой. Рама скрипела при каждом обороте рукояти, но измеряла точно. Новая стоила сорок золотых марок. За прошлый год моя лечебница заработала меньше тридцати.

Я вымыла руки, протерла пластины спиртом и проверила иглы без пациента. Все шесть поднялись на одинаковую высоту и вместе вернулись к нулю.

— Эта штука безопасна? — спросил Орен.

— Если будешь выполнять мои команды. Ты касаешься только светлой пластины. Формулу общей клятвы не произносишь. Если услышишь звон сильнее, сразу убираешь руку.

— Но я не знаю формулу.

— Тем лучше.

Он сел, опираясь спиной на спинку стула. Я положила его ладонь на контрольную пластину, а два пальца своей правой руки — на измерительную. Шрам у основания большого пальца совпал с краем кварца. Он остался после моей первой учебной ошибки и напоминал, что чистый инструмент тоже причиняет вред, если лекарь торопится.

— Скажи полное имя и дату рождения.

— Орен Рейн. Четвертый день месяца снегов. Мне тринадцать.

Первая игла поднялась на два деления. Вторая повторила движение. Третья осталась на нуле: связь с общим контуром отсутствовала, как и должна была. Четвертая показала запас превращения. Пятая — нагрузку на сердце.

Шестая дрогнула после остальных.

Я перестала вращать рукоять.

— Руку убери.

Орен отнял ладонь. Иглы начали опускаться. Пятая достигла нуля первой, четвертая — следом. Шестая задержалась на одном делении и только потом медленно вернулась вниз.

— Еще раз, — сказала я.

— Что вы увидели? — Нелла подошла ближе.

— Пока расхождение. Мне нужно исключить неисправность.

Я сменила восковую ленту и вынула контрольную пластину. На вид кварц оставался прозрачным. Я провела ногтем по ребру, проверяя трещины, затем достала из запертого ящика дорожную пластину. Ее изготовили пять лет назад из одной жилы с теми, которыми пользовалась Ида Ренн. Я берегла ее для спорных случаев и никогда не отдавала ученикам.

Вторая проверка дала тот же результат. Первые пять игл вернулись к нулю вместе. Шестая опоздала на четыре удара сердца.

Орен дернул рукой.

— Опять звон.

— Сильнее?

— Теперь ближе.

Я остановила барабан. На воске остались две линии: основная, ровная, и тонкая отметка с запозданием. Второй отклик был слабым, но несомненным.

Лисса стояла у шкафа, прижав ладонь ко рту. Она три года работала со мной и знала, что означает такой рисунок у взрослого участника клятвы. У ребенка он не должен был появиться ни при каких условиях.

— Кто-нибудь пытался подключить его тайно? — спросила я.

Нелла побледнела.

— Нет.

— Вы присутствовали при всех процедурах?

— Да.

— Ему давали кровь взрослого оборотня, препараты из клятвенного кварца, настои с минеральной взвесью?

— Кровь — нет. Препараты... Я принесла список.

Она достала сложенный лист. Бумага была сухой и пахла дорожной кожаной сумкой. Я развернула ее на столе. Обычные жаропонижающие, кора горечавки, соли железа, успокаивающий настой. Возле двух назначений стояла печать Королевской лечебницы.

— У вас есть образцы?

Нелла вынула три склянки.

— Все, что ему давали со вчерашнего утра.

Она могла скрывать имя, но подготовилась как человек, который хотел получить настоящий диагноз. Я отметила это, не принимая за доказательство доверия.

— Лисса проверит растворы. Сейчас мне нужна кровь и повторный осмотр после четырех часов покоя.

— Мы не можем остаться до вечера.

— Тогда вы уедете без заключения.

— Я заплачу за срочность.

— Четыре часа нужны его сердцу, а не моей кассе.

Орен тихо рассмеялся и сразу поморщился, прижав ладонь к боку.

— Мама, мы остаемся.

Нелла посмотрела на него, потом на меня.

— У вас есть отдельная палата?

— Все мои палаты отдельные, потому что их четыре. Свободна одна.

— Охрана останется у входа.

— Пока не мешает пациентам.

Лисса повела Орена в заднюю комнату. Я остановила Неллу, прежде чем она пошла следом.

— Теперь документы.

Она вынула металлическую пластину из внутреннего кармана. На одной стороне был выбит дорожный знак королевского дома, на другой — имя.

Нелла Норр.

Я прочитала дважды. Потом вернула удостоверение.

— Ваш сын записан под чужой фамилией.

— Я собиралась исправить запись после осмотра.

— Если бы он потерял сознание, я отправила бы извещение семье Рейн. Если бы умер, под этим именем оформили бы тело.

Она не отвела глаз.

— Во дворце узнают о каждом враче, к которому обращается Орен. Я хотела получить мнение человека, не обязанного подтверждать прежний диагноз.

— Поэтому выбрали лекаря с ограниченной лицензией в полутора днях от столицы?

— Поэтому выбрала вас.

Мне не понравилось, как быстро она ответила.

— Откуда вы знаете мою работу?

— Два года назад вы лечили дочь нашего конюшего. Девочка не могла вернуться в человеческую форму после дорожного узла. Вы нашли трещину в пластине, а не объявили ее слабой.

Я помнила девочку. Не ее отца. У меня не было привычки спрашивать, кому прислуживают мои пациенты, если это не влияло на оплату.

— Орен — сын младшей сестры короля, — продолжила Нелла. — До первого оборота осталось, возможно, несколько дней. Если он пройдет его больным, последствия могут стать необратимыми.

— Он уже болен.

— Я вижу.

— Нет. Вы видите судороги. Я вижу отклик общей клятвы у ребенка, который к ней не подключен.

Ее пальцы легли на край стола. Она не сжала их и не попыталась скрыть дрожь.

— Это возможно через родство?

— В нормальном контуре семейная защита передает подростку помощь во время первого оборота. Она не должна тянуть из него силу и не должна оставлять на измерении отдельную линию.

— Значит, клятва повреждена?

— Значит, я получила результат, который требует подтверждения на исправной столичной раме и сравнения с другими пациентами. Причину я пока не знаю.

— Но вы можете вылечить его?

Я посмотрела на две восковые ленты. Вопрос был понятным. Честный ответ ей не понравился бы.

— Я могу стабилизировать его, следить за сердцем и не допустить нового оборота до обследования. Чтобы разорвать связь, мне нужно установить, откуда она идет. Отключать вслепую опасно.

— Сколько?

— Первый прием и дорога — двадцать серебряных марок. Палата оплачивается отдельно. Сложная процедура, если понадобится, стоит двенадцать. Но деньги не меняют очередность и не покупают молчание.

Нелла достала кошель и отсчитала двадцать марок.

— Мне как раз нужно ваше молчание.

Я не взяла монеты.

— Тогда ищите другого лекаря.

— Если имя Орена станет известно, Совет объявит его состояние вопросом престолонаследия. Половина придворных попытается доказать, что он негоден, другая половина потребует провести оборот немедленно. Вы действительно считаете огласку лечением?

— Я считаю опасный диагноз основанием для медицинского извещения. Не для городской сплетни. Я сообщу в Палату лечения, если второй специалист подтвердит результат. До этого имя останется в закрытом журнале.

— Королю?

— Он законный глава семьи?

— Я мать. Решения о лечении принимаю я.

— Тогда королю я не сообщаю без вашего разрешения, пока нет угрозы другим людям.

Она поставила монеты на стол.

— Я разрешаю лечить Орена и проверить все, что вы сочтете необходимым. Но прошу два дня.

— На что?

— Чтобы я сама сказала брату.

Я слышала много просьб о времени. Мужья просили день, прежде чем жена узнает о поддельной пластине. Главы домов — неделю до сообщения о вспышке. Время редко делало правду удобнее. Иногда оно позволяло подготовить палату и не убить человека поспешностью.

— До завтрашнего вечера, — решила я. — Если подтвердится угроза общему контуру, извещение уйдет независимо от вашего желания.

— Справедливо.

— Это не вопрос справедливости. Это предел моей лицензии.

Я забрала оплату и выдала расписку. Нелла прочитала каждую строку, прежде чем поставить подпись настоящей фамилией.

Через четыре часа пульс Орена стал спокойнее. Лисса не нашла запрещенных примесей в лекарствах. Температура снизилась на половину градуса, серые полосы у ребер побледнели. Второй отклик остался.

Я взяла кровь, повторила измерение и записала результат без сокращений. Орен сидел у окна, ел соленый бульон и следил за моими руками.

— Я смогу превратиться? — спросил он.

Нелла повернулась ко мне. Я ответила мальчику.

— Не сегодня. Сначала узнаем, почему твое тело получает две команды одновременно.

— Одна человеческая, другая волчья?

— Нет. Твоя волчья форма — часть тебя, а не чужая команда. Первый ритм принадлежит твоему телу. Второй приходит по семейной защите слишком поздно и мешает завершить движение.

— Его можно выключить?

— Можно попытаться. Для этого мне понадобится хорошая рама, второй лекарь и человек, который имеет доступ к данным общего контура.

Орен посмотрел на мать.

— Дядя Дарен.

Нелла закрыла глаза на короткую секунду.

— Да.

До вечера я успела устроить пациентов, передать Лиссе закупки и написать Иде Ренн письмо с просьбой приехать в столицу. Затем собрала дорожный ящик: чистую пластину, шесть запасных игл, растворы, бинты, восковые ленты и старую лицензию, в которой отдельной строкой запрещалась работа с государственными узлами без разрешения Совета.

Нелла наблюдала, как я проверяю замки.

— Вы согласны ехать?

— Согласна провести повторное обследование. Это не означает, что я приму условия двorca.

— Мой брат умеет слушать специалистов.

— Тогда ему будет нетрудно подписать обычный договор.

Снаружи стражник уже запрягал вторую лошадь к закрытой карете. До Линна было полтора дня пути, если не останавливаться дольше необходимого. Орен уснул в палате, и переносить его до утра я запретила.

Нелла подошла ко мне, когда Лисса ушла за чистым бельем.

— Есть еще одна причина, по которой нам нельзя задерживаться.

— Какая?

— Я отправила брату записку перед отъездом. Написала только, что увожу Орена к независимому лекарю. Дарен не знает, насколько все серьезно.

— И где он сейчас?

— Если мой охранник правильно рассчитал дорогу, король уже выехал из Линна. К утру он будет здесь.

Я перевела взгляд на две ленты с запоздалой шестой линией. Встречи с королями не входили в цену обычного приема. Исправлять счет было поздно.

ГЛАВА 2. Условия волчьему королю

Дарен Норр приехал за час до рассвета и первым делом спросил, можно ли войти к Орону.

Я ожидала приказа, стражи в приемной и врача, который сообщит мне, что провинциальная помощь больше не требуется. Вместо этого увидела высокого мужчину в дорожном плаще, мокрых сапогах и простой темной рубашке. Два сопровождавших его всадника остались на улице. Король снял перчатки у двери и не прошел дальше порога.

— Пациент спит, — сказала я. — Если разбудите, обследование придется отложить.

— Я могу посмотреть на него отсюда?

— Нет. Из коридора видна только дверь.

Он принял ответ без раздражения.

— Тогда поговорим.

— После того как вы вымоете руки.

Дарен оглянулся на медный рукомойник. За ночь вода в нем остыла. Он закатал рукава, вымыл руки с хозяйственным мылом и вытер полотенцем, которое подала Лисса. Она старалась не рассматривать королевский знак на застежке его плаща, однако едва не уронила корзину с чистыми повязками.

— Госпожа Таль? — спросил Дарен.

Я заметила паузу перед фамилией.

— Лекарь Таль.

— Дарен Норр.

— Я знаю.

— Это должно облегчить знакомство.

— Оно облегчило запись в журнале.

Угол его рта слегка изменился. Улыбкой я бы это не назвала, и времени выяснять не было. Я провела его в кабинет, оставив дверь открытой. Нелла сидела у постели сына, а Лисса работала в соседней комнате. Для разговора с человеком, способным закрыть мою лечебницу одним запросом в Палату, свидетели не мешали.

Дарен снял плащ и положил его на спинку стула. Дорожный меч остался на поясе, но он сел так, чтобы ножны не задевали стол.

— Нелла написала о независимом обследовании, — начал он. — Потом исчезла с наследником королевской линии и двумя охранниками.

— Она приехала с одним.

— Второго оставила на сменной станции, когда тот повредил ногу. Вы разрешите перевезти Орона в Линн?

— После утреннего осмотра. В закрытой карете, с остановкой каждые два часа. Я поеду с ним.

— Я привез королевского врача.

— Тогда он может подтвердить, что мальчик выдержит дорогу.

— Я спросил, разрешите ли вы его перевезти.

— А я ответила, при каких условиях.

Дарен положил руки на стол. Пальцы были обветрены сильнее, чем я ожидала от человека, которому слуги могли застегивать манжеты. След общей клятвы на его запястье был шире обычного: семь коротких линий сходились у пульса. Королевский приоритет не был украшением. Через это тело проходили якорные доли всех округов.

— Ваше разрешение необходимо по врачебному праву, пока пациент находится под вашим наблюдением, — сказал он. — Но Нелла вправе прекратить лечение и забрать сына.

— Вправе. Спросите ее.

— Я уже спросил.

— И поэтому сидите здесь.

На этот раз он улыбнулся вполне заметно.

— Поэтому сижу здесь.

Я достала копию утренней записи. Оригинальные ленты оставила в запертом ящике. Дарен прочитал показатели, не притрагиваясь к воску.

— Нелла сказала о втором отклике. Объясните так, чтобы понял командующий, а не лекарь.

— Орен не связан общей клятвой. Его тело должно получать семейную поддержку только в момент первого оборота. Вместо этого оно постоянно принимает запоздалый импульс. Представьте, что двое гребцов поднимают весло с разницей в один удар. Лодка не идет быстрее, зато руки у обоих устают.

— Откуда второй гребец?

— Не знаю. Рама показывает направление и задержку, но не имя и не причину.

— Вы подозреваете общий контур?

— Я проверяю его участие.

— Это разные ответы.

— Именно поэтому я выбрала второй.

Он снова посмотрел на запись. Спрашивать, понял ли, не требовалось.

— Сколько времени у Орена?

— До чего?

— До первого оборота.

— Это не назначенный прием. Он может начаться сегодня или через две недели. Если вы спрашиваете, сколько он выдержит без ухудшения, у меня пока нет данных.

Дарен отодвинул лист.

— В Линне есть оборудование, врачи и охрана. Я хочу увезти его сейчас.

— После осмотра.

— Вы повторяетесь.

— Потому что условие не изменилось.

Он поднялся. Я тоже встала, хотя это было неудобно: стол между нами как раз позволял не превращать разницу в росте в часть разговора.

— Когда я вошел, вы уже знали, кто я, — сказал он. — И все же оставили дверь открытой.

— У меня так устроена работа.

— Нет. Вы ожидали давления и подготовили свидетеля.

— Давление началось с просьбы увезти больного до осмотра.

— Я спросил разрешения.

— После того как приехали с правом забрать его.

Дарен помолчал, затем сел обратно.

— Хорошо. Осмотрите Орена. Мой врач будет присутствовать, если Нелла согласится. После этого мы обсудим дорогу и вашу работу в столице.

— Моя работа в столице еще не началась.

— Вы собрали ящик.

Он заметил ремни у стены. Я не стала спорить с очевидным.

Королевский врач оказался пожилым мужчиной по имени Севрен. Он внимательно выслушал Орена, проверил сердце и согласился, что дорога безопаснее после еды и еще двух часов покоя. При словах о втором отклике он нахмурился, но не потребовал убрать мою раму.

— В Королевской лечебнице проверяли связь, — сказал он. — Показатели были чистыми.

— На какой пластине?

— На установленной.

— Ее меняли перед проверкой?

— Зачем менять исправный инструмент?

— Чтобы убедиться, что он исправен.

Севрен поджал губы.

— Девять лет практики не дают права ставить под сомнение каждую столичную процедуру.

— Тогда вам будет легко повторить ее и получить тот же результат.

Орен лежал с закрытыми глазами, но я увидела, как дрогнул его рот. Нелла прикрыла сыну ладонью лоб, скрывая собственное выражение.

После осмотра Дарен попросил поговорить без Севрена. Мы вернулись в кабинет. Утро уже началось: на улице проехала телега молочника, а у соседней мастерской стукнула задвижка. Лисса впустила первого записанного пациента и отвела его в дальнюю палату.

— Вы поедете в Линн как приглашенный лекарь, — сказал Дарен. — Получите доступ к Орону, оборудованию Королевской лечебницы и его истории болезни. Результаты останутся в закрытом медицинском деле до решения Совета.

— Нет.

— Какой пункт?

— Все после слова «история».

— Вы предлагаете объявить городу, что наследник болен?

— Я предлагаю не путать медицинскую тайну с запретом исследовать опасность для других пациентов. Мне нужны истории детей с незавершенным первым оборотом за последние два года, взрослые случаи судорог после превращения и записи расхода пластин. Я сохраняю свои копии измерений. Никто не меняет лечение Орена без согласия Неллы, кроме экстренной помощи. Заключение подписываю только после независимой проверки.

— Вы перечислили доступ к данным, которые не относятся к моему племяннику.

— Я перечислила условия, при которых соглашусь искать источник второго отклика.

— А если я не соглашусь?

— Я оформлю направление в Палату лечения и останусь в Камене.

— Орен останется без лекаря клятв.

— В Линне есть Ида Ренн и еще трое с полной лицензией.

— Двое уже дали заключение. Ида отказалась работать с государственными узлами после дела вашего отца.

Слова были произнесены спокойно, однако моя рука сама легла на крышку чернильницы. Я убрала ее, чтобы не опрокинуть стекло.

— Вы хорошо осведомлены.

— Илар Таль погиб в заключении по делу, связанному с общей клятвой. Его дочь получила ограниченную лицензию. Вы действительно полагали, что я не проверю это до приезда?

— Я полагала, что вы знаете больше. Например, кто дал показания против него.

— Я.

Ответ прозвучал без паузы.

Я помнила имя свидетеля по протоколу. Дарену тогда был двадцать один год, он служил в дворцовой страже и находился у полевого узла после аварии. Четыре человека погибли. Отец утверждал, что предупреждал Хранителя клятвы о перетоке. Следствие решило, что он разомкнул исправный узел, пытаясь доказать несуществующую угрозу.

— Вы видели, как он снял зажим? — спросила я.

— Видел последствия и его руки на внешней пластине. Показал ровно то, что видел.

— А предупреждения?

— Их мне не передавали.

— Вы не спросили.

— Мне был двадцать один год. Я охранял место аварии, а не вел расследование.

— Удобное разделение обязанностей.

Дарен не повысил голос.

— Да. Особенно удобным оно кажется спустя восемнадцать лет. Сейчас болен мой племянник, а вы располагаете наблюдением, которого нет у придворных врачей. Я не прошу вас забыть фамилию свидетеля. Я спрашиваю, возьметесь ли вы за пациента при условиях, которые мы оба сможем выполнить.

Мне хотелось продолжить разговор об отце. Хотелось спросить, помнил ли Дарен его лицо, видел ли кровь на камнях, читал ли тетрадь, которую я сама передала следователю. Ни один ответ не помогал Орону дышать ровнее.

Я достала чистый лист.

— Записывайте.

— Я умею слушать.

— Мне нужен письменный договор. Памяти короля недостаточно.

Он снял с пояса дорожную сумку и вынул бумагу с королевским водяным знаком.

— Подойдет?

— Если на ней можно написать обычные условия без магической формулы.

— Можно.

Я перечисляла пункты, Дарен записывал. Почерк у него был прямой, мелкий, без украшений. Право обследовать Орена и сравнивать его данные с обезличенными историями. Доступ к счетным рамам и журналу замены пластин. Мои оригиналы остаются у меня, копии передаются лечебнице и Нелле. Решение о лечении принимает мать. Король не вмешивается в заключение и не требует назвать причину до подтверждения. Если выявлена угроза другим людям, я вправе обратиться в Палату и Совет.

— Публичное сообщение до подтверждения способно вызвать панику, — сказал Дарен.

— Напишите: медицинское извещение в установленном порядке. Я не собираюсь кричать на площади.

— А после подтверждения?

— После подтверждения люди имеют право знать, что им вредит.

— Если общий контур связан с болезнью, само сообщение может заставить участников приостановить вклад. Восточный заслон ослабнет.

— Значит, объясните им риск и дайте решить.

— Вы предлагаете принимать оборонное решение каждому человеку отдельно.

— Я предлагаю не использовать его тело без ведома.

Дарен положил перо.

— Вы уже уверены, что это происходит?

Вместо ответа я открыла нижний ящик. Там хранились копии старых лент. Я нашла две: мальчика из семьи каменщиков и женщину, которая после второго превращения за сутки не могла удержать человеческую форму. Оба пришли в прошлом месяце. Их случаи не совпадали по возрасту, родству и тяжести, но на шестой линии оставалась знакомая задержка.

— Тогда я решила, что старая рама дает погрешность, — сказала я. — У мальчика второй отклик исчез после трех дней покоя. Женщина уехала к семейному врачу. Сегодня я увидела тот же рисунок у Орена и проверила пластину. Если я промолчу, следующий пациент может прийти после третьего оборота или не прийти вовсе.

Дарен взял копии только после моего кивка.

— Вы сообщали об этих случаях?

— По отдельности они не требовали извещения. Теперь требуют сравнения.

— Фамилии?

— Вы получите обезличенные данные. За именами обратится Палата, если будет основание.

Он вернул ленты.

— Добавьте это к договору.

Я записала право сохранять тайну местных пациентов. Дарен дописал запрет изымать материалы без решения Палаты. Подписал полным именем и поставил обычную чернильную печать. Ни кварца, ни формулы, ни капли крови.

Нелла прочитала договор у постели Орена.

— Я остаюсь его представителем?

— Да. Пока он несовершеннолетний, решения формально принимаете вы. Но если он способен отвечать и откажется от процедуры, ваше согласие не заменит его волю. Исключение — прямая угроза жизни.

Орен поднял голову с подушки.

— Я согласен ехать. И не согласен, чтобы Севрен давал мне кору. От нее тошнит.

— Записано, — сказала я.

Севрен возразил, что вкус лекарства не является медицинским основанием. Я предложила ему дать настой после еды и остаться рядом с тазом. Он нашел другой препарат.

К полудню Орен смог самостоятельно дойти до кареты. Внутри установили узкую лежанку и ящик с водой. Нелла села рядом с сыном. Я заняла противоположное место, положив дорожную раму на колени. Дарен поехал верхом, хотя для него оставили место.

На первой остановке он проверил охрану и спросил у меня о пульсе Орена. На второй принес горячий бульон из почтовой кухни. Он не пытался отдать чашку племяннику сам, а поставил на столик и дождался, пока я проверю температуру.

— Вы всегда спрашиваете разрешение у лекаря? — спросила Нелла.

— С сегодняшнего утра, — ответил он.

Орен усмехнулся. Я разрешила ему выпить половину кружки.

Дорога размокла после ночного дождя. Карета шла медленнее расчетного, и до сумерек мы добрались только до постоянного двора у Старой переправы. Для Орена сняли комнату на первом этаже. Я проверила окно, ширину двери и расстояние до колодца: если начнется оборот, нам потребуются вода и свободный проход.

Дарен вошел, когда я заканчивала запись.

— Состояние?

— Без ухудшения. Звон появляется после тряски. Ночью он не поедет.

— Я не собирался настаивать.

— Хорошо.

Он остался у двери.

— Есть еще одно условие, о котором вы должны знать до Линна.

— Оно мое или ваше?

— Календарное. Через восемнадцать дней начинается обновление общей клятвы.

Я перестала завязывать ленты на журнале.

— Десятилетнее?

— Да. Заменяют внешние проводники, подтвердят распределение и подключат новые взрослые линии.

— Сколько людей пройдет через узлы?

— Около двенадцати тысяч в течение недели.

— Если контрольные пластины скрывают второй отклик, вы собираетесь провести через них двенадцать тысяч человек?

— Именно поэтому я сказал вам сейчас.

— Кто отвечает за оборудование?

— Хранитель клятвы. Канцлер Марек Сорн.

Это имя стояло под заключением по делу отца. Не среди свидетелей — под решением комиссии о том, что переток невозможен при исправном кварце.

— Он знает, кого вы везете?

— Знает, что Нелла нашла независимого специалиста. Вашу фамилию получит к утру.

— Тогда конфликт начался до нашего приезда.

— Вероятно.

— Вы говорите об этом так, будто обсуждаете погоду.

— Погода не обязана мне подчиняться. Канцлер обязан выполнять решение Совета.

— А Совет уже решил, что я получу доступ?

— Я подписал договор в пределах своих полномочий. Для обследования центральных узлов понадобится отдельное разрешение.

— Значит, доступ к рамам у меня есть, к причине возможной поломки — нет.

— Пока нет.

Мне не понравилось последнее слово. Оно означало, что Дарен видел путь дальше и не считал нужным описывать его полностью. Однако утром он приехал с возможностью забрать пациента и вместо этого связал собственные руки письменными условиями. Я могла оценивать только этот поступок.

— До центрального узла я не полезу без данных, — сказала я. — Сначала лечебница, пациенты и чистые пластины.

— Это разумно.

— Не хвалите меня за то, что совпало с вашим планом.

— Тогда просто соглашусь.

На следующий день мы въехали в Линн после полудня. У западных ворот проверяли повозки и пропускали королевский отряд без очереди. За стеной пахло рекой, угольным дымом и мокрой шерстью лошадей. Серые башни дворца были видны над крышами, но карета повернула не к ним.

Королевская лечебница занимала длинное трехэтажное здание у северного канала. Перед входом стояли семьи: женщины с детьми, двое пожилых мужчин на складных носилках, молодой оборотень с перевязанными руками. Очередь доходила до соседнего переулка.

Я насчитала семь подростков с одинаковыми серыми полосами у ребер.

Дарен спешил к карете. Он тоже посмотрел на очередь.

— Вчера утром их было вдвое меньше, — сказал он.

Я взяла дорожный ящик.

— Теперь у нас не один королевский пациент.

ГЛАВА 3. Второй ритм

В Королевской лечебнице меня сначала приняли за сопровождающую.

Молодой писарь у стойки указал на боковую дверь для родственников и продолжил записывать фамилию женщины с девочкой на руках. Я поставила дорожный ящик возле его локтя.

— Лекарь Верана Таль. Приглашена для обследования Орена Норра и сравнительной проверки пациентов.

Перо остановилось.

— Полная лицензия?

— Ограниченная. Договор с королем дает доступ к лечебному оборудованию и историям в пределах исследования.

— Королевские договоры регистрируют в другом крыле.

— Пациенты тоже ждут в другом крыле?

Он поднял голову. Очередь за моей спиной успела продвинуться на полшага. Мальчик лет двенадцати сидел на полу, прислонившись к юбке матери. Его левое плечо раз в несколько минут дергалось вперед, будто тело начинало оборот и сразу отказывалось от него.

— Я вызову старшего распорядителя, — сказал писарь.

— Вызовите врача.

Дарен вошел следом за носилками Орена и услышал только последнюю реплику.

— Где Улла Керн?

Писарь поднялся так резко, что опрокинул чернильницу. Я успела отодвинуть журнал. Темное пятно растеклось по стойке, но ни один документ не пострадал.

— В диагностическом крыле, ваше величество.

— Передайте, что приехала лекарь Таль. И принесите ей книгу поступлений за последние десять дней.

— За десять? Но доступ...

— Указан в договоре, — сказала я. — Записи можно обезличить.

Дарен посмотрел на меня.

— Начнете с очереди?

— С Орена. Потом сравню симптомы, если пациенты согласятся.

Он не стал распоряжаться от их имени и пошел рядом с носилками. Это не означало, что он отказался от привычки решать за людей. Пока он всего лишь запомнил условие договора.

Улла Керн встретила нас у диагностической палаты. Ей было около пятидесяти; седые волосы она коротко подстригла, рукава белой куртки закатала выше локтей. На груди висел знак главы Королевской лечебницы, а на пальцах остались желтые следы обеззараживающего настоя.

— Лекарь Таль, — сказала она. — Я читала ваше заключение. Второй отклик у неподключенного подростка требует проверки.

— Поэтому я здесь.

— Поэтому я освободила раму. Но сначала осматрю его как обычный врач.

— Разумеется.

Она ожидала сопротивления и, не получив его, сразу перешла к Орену. Проверила температуру, цвет слизистых, силу мышц, задала вопросы о питании и мочеиспускании. Севрен начал перечислять назначения, но Улла попросила его показать лист. Они обсуждали лекарства коротко, без спора о старшинстве.

Я следила за Ореном. После дороги серые полосы снова проявились. Пальцы сохраняли человеческую форму, пульс был частым, третий слабый удар возникал через каждые пять-шесть сокращений.

— Обычная медицина объясняет обезвоживание и аритмию, — сказала Улла, закончив осмотр. — Не объясняет задержанный оборот. Согласна на проверку связи.

Она спросила Орена, понимает ли он процедуру. Только после его ответа попросила Неллу подписать согласие.

Столичная счетная рама занимала отдельный стол. Ее деревянная основа не скрипела, иглы были тоньше моих, барабан вращался почти без усилия. Контрольная пластина выглядела чистой: прозрачный кварц без видимых трещин, края обиты серебром. За одну такую раму можно было купить дом с конюшней в Камене.

Улла провела нулевую проверку. Шесть игл поднялись вместе и опустились без задержки.

— Исправна, — сказал Севрен.

— Без нагрузки, — уточнила я.

Он отвернулся к окну.

Орен сел у рамы. Улла дала ему те же указания, что и я. Он произнес имя и дату рождения, коснулся кварца. Первая, вторая, четвертая и пятая иглы поднялись. Третья осталась на нуле. Шестая показала слабое движение и вернулась одновременно с четвертой.

— Отклика нет, — сказал Севрен.

— Еще раз, — попросила я.

Результат повторился. На восковой ленте линии почти совпали.

Дарен стоял у дальней стены. Нелла держала сына за плечо. Никто не торопил меня, но значение двух проверок было ясным: либо моя рама ошибалась, либо столичная не видела того, что видела дорожная.

Я наклонилась к иглам.

— Улла, поверните барабан без пациента.

— Нулевой тест уже был.

— Медленнее обычного.

Она взялась за рукоять. На первом обороте иглы поднялись ровно. При возвращении шестая коснулась ограничителя на долю секунды позже пятой. Разницу можно было не заметить, если смотреть на общую высоту.

— Еще раз, — сказала я.

Теперь Улла наблюдала только за последними двумя иглами.

— Есть задержка, — признала она.

Севрен подошел ближе.

— От трения в оси.

— Тогда она сохранится после замены пластины, — ответила я.

Я открыла дорожный ящик. Улла сама сняла серебряный зажим. Под ним кварц был мутнее, чем в центре. Не грязный, не треснувший — просто чуть серый у крепления.

— Когда ее меняли? — спросила я.

— В прошлом месяце, — сказала Улла. — Партия пришла с центрального склада. Пять пластин для диагностического крыла.

— Где остальные?

— В двух малых рамах и запасе.

Я подала свою пластину.

— Она из Каменской мастерской. Проверена вчера на нулевом отклике и на пациенте. Разрешите поставить?

Улла осмотрела кварц через увеличительное стекло, протерла и взвесила на настольных весах.

— Разрешаю как контрольный материал. Запишем замену в журнале.

Мне понравилось, что она не стала защищать дорогой инструмент из-за его цены и происхождения.

Орен коснулся моей пластины. Шестая игла поднялась последней. Когда он убрал руку, первые пять вернулись к нулю, а шестая задержалась на четыре удара сердца.

— Теперь я слышу, — сказал он.

— Что именно?

— Звон. Такой же, как у вас.

Улла остановила барабан и отметила время. Затем повторила тест сама, сменив восковую ленту. Результат остался прежним.

Севрен оперся ладонями о край стола.

— Получается, установленная пластина гасит задержку.

— Не гасит, — сказала я. — Она дает собственную задержку, совпадающую с той, что приходит от пациента. Рама принимает два одинаковых смещения за норму.

— Вы уверены?

— Это рабочая версия. Чтобы подтвердить, надо проверить материал и пациентов на обеих пластинах.

Улла повернулась к Дарену.

— Диагностическое крыло закрываю на замену контрольных пластин. До проверки все вчерашние чистые заключения считаю предварительными.

— Сколько времени? — спросил он.

— Если склад выдаст чистый кварц, четыре часа.

— А если не выдаст?

— Тогда возьму пластины из учебной комнаты. Они старые, зато их происхождение известно.

Дарен кивнул.

— Делайте.

— Мне не нужен приказ на работу внутри лечебницы, — сказала Улла. — Мне нужно, чтобы склад не задержал материалы по распоряжению канцлера.

— Не задержит.

Он вышел вместе с одним из стражников. Через десять минут писарь принес книгу поступлений и список тех, кому за последние сутки отказали в госпитализации из-за отсутствия мест.

Мы начали с шести пациентов, чьи семьи согласились на повторную проверку. Я не выбирала только подростков: в группу вошли две женщины после недавнего оборота, пожилой мужчина с судорогами, молодой грузчик, который не мог вернуть человеческие кисти, и двое детей накануне первой смены формы.

Улла разделила палату ширмами. Лиссы рядом не было, поэтому записи вела младшая врач по имени Мара. Я проговаривала показатели, она ставила время и номер ленты. Имена оставались в книге лечебницы; на моих копиях были только номера.

Первая пациентка, портниха из западного квартала, приносила клятву двадцать лет. После последнего превращения у нее сводило икры и появлялся звон. На дворцовой пластине отклик выглядел ровным. На моей шестая игла задержалась на два удара.

У пожилого мужчины задержка составила пять. Он входил в общую клятву через восточную стаю, хотя жил в Линне у дочери.

У грузчика запоздалый отклик был самым сильным. Он превращался дважды за сутки, разгружая баржу после аварии. В обычном состоянии его вклад должен был ограничиться одной двадцатой избытка от каждого оборота. По ленте выходило почти вдвое больше.

— Я ничего не отдавал второй раз, — сказал он. — После первого оборота даже формулу не повторял.

— Ежегодное согласие действует до приостановки, — объяснила Улла. — Формула не произносится при каждом вкладе.

— Но мне говорили, лишнего не возьмут.

Я посмотрела на его руки. Кожа на пальцах была потрескавшейся, ногти еще сохраняли серый оттенок.

— Так должно работать ограничение, — сказала я. — Сейчас мы проверяем, почему оно не сработало. До нового заключения не превращайтесь. Даже ради работы.

— Кто заплатит за пропущенную смену?

Улла позвала распорядителя и оформила медицинское освобождение с выплатой из окружной кассы. Это заняло пять минут и две подписи. В Камене мне пришлось бы писать запрос и ждать неделю. Столичная система могла действовать быстро, когда признавала проблему.

Один из детей, десятилетняя девочка, второго отклика не показал. Ее семья не входила в общую клятву после переезда из южных земель. Серые полосы на коже оказались следами от слишком тугой повязки, а слабость объяснялась воспалением легких. Улла сразу передала ее обычным врачам.

— Значит, не все больные у входа связаны с контуром, — сказал Севрен.

— И это полезный результат, — ответила я. — Если бы каждая лихорадка подтверждала нашу версию, я бы прежде проверила отбор пациентов.

Вторая неподключенная семья тоже дала чистую ленту. У пятерых участников или детей из их семей задержка повторилась. Этого было мало для вывода обо всем Союзе, но достаточно, чтобы не списывать Орена на редкую семейную болезнь.

К полудню у меня болела спина, а пальцы пахли спиртом. Я не связывала пульс с рамой и не платила магической ценой, однако шесть опросов подряд требовали внимания. Улла принесла хлеб, сыр и две кружки воды.

— Вы не обвиняете моих врачей, — сказала она, когда мы остались у стола вдвоем.

— В чем?

— В том, что они пропустили задержку.

— На одинаково загрязненных пластинах я могла бы пропустить ее тоже.

— Вы уже считаете их загрязненными.

— Я считаю, что они дают одинаковое смещение. Состав проверит мастер.

Улла отломала кусок хлеба.

— Сорн скажет, что провинциальная пластина не соответствует столичному стандарту.

— Он может принести чистую третью.

— Вы давно его знаете?

— Никогда не встречала.

— Тогда почему говорите так, будто ждете спора?

— Его подпись стоит под заключением по делу моего отца.

Улла перестала жевать.

— Понятно.

— Нет. Пока понятно только, что он входил в комиссию восемнадцать лет назад. Я не собираюсь подменять нынешние измерения фамилией.

— Это будет труднее, чем вы думаете.

— Я думаю, что будет очень трудно.

Она коротко рассмеялась и допила воду.

Марек Сорн прибыл через час. Канцлер был худым мужчиной с почти белыми волосами и спокойным лицом преподавателя, который заранее знает ответ. Он вошел без стражи, поздоровался с Уллой и только потом повернулся ко мне.

— Лекарь Таль. Ваш приезд уже принес лечебнице редкую пользу: сегодня здесь пересмотрели больше правил, чем за прошлый год.

— Надеюсь, пересмотрят и пластины.

— Именно о них я пришел поговорить.

Он взял журнал замены, изучил номера партий и попросил показать обе ленты одного пациента. Разницу увидел сразу.

— Интересное расхождение, — сказал он. — Но в городе растет число больных после прибытия семей с восточной границы. Возможна инфекция, влияющая на превращение. Я предложил выделить для приезжих отдельное крыло.

— На каком основании?

— Время появления симптомов совпало с переселением трех деревень.

— Совпадение времени не показывает способ передачи. Среди моих шести пациентов есть люди, которые не встречались с приезжими.

— В столице трудно доказать отсутствие встречи.

— Зато можно проверить связь с общей клятвой. Пять связанных семей дали задержанный отклик, две неподключенные — нет.

— Семь случаев не составляют надежной выборки.

— Поэтому я не подписываю ни заключение о контуре, ни заключение об инфекции.

Марек сел напротив меня.

— Карантин не является обвинением. Он даст время.

— И соберет здоровых людей рядом с возможными больными. Если вы подозреваете инфекцию, нужны симптомы, пути передачи и обычные анализы. Если хотите отделить приезжих по происхождению, назовите это правильно.

Севрен посмотрел в сторону. Улла осталась у рамы.

— Вы говорите прямее, чем ваш отец, — заметил Марек.

— Вы хорошо его знали?

— Достаточно, чтобы помнить талант и нетерпение. Он тоже делал большой вывод из малого числа измерений.

— Я пока сделала один вывод: дворцовая пластина скрывает расхождение.

— Или ваша создает его.

— Дайте третью с известным происхождением.

Марек посмотрел на Уллу.

— Учебные пластины уже несут следы сотен проверок.

— След не меняет состав кварца, если его очищали, — ответила она. — Я проверю три партии и отправлю образцы мастеру.

Канцлер закрыл журнал.

— Разумеется. До результата я все же прошу подготовить отдельное крыло для восточных семей.

— Прошу или приказываете? — спросила Улла.

— Предлагаю меру предосторожности.

— Тогда я отказываюсь. У меня нет свободного крыла и нет медицинского основания.

Марек принял отказ так же спокойно, как принимал мои слова. Это настораживало сильнее открытого гнева. Человек, уверенный в собственной правоте, не обязан спорить сразу. Он мог дожидаться решения Совета или найти врача, готового поставить подпись.

— Лекарь Таль, — сказал он, поднимаясь, — король предоставил вам широкий доступ. Помните, что через семнадцать дней обновление, а восточный заслон уже дважды отражал нападения. Ошибка в одну сторону оставит семьи без лечения. Ошибка в другую — откроет границу.

— Поэтому я буду проверять обе стороны.

— Надеюсь.

Он ушел, забрав только копию номера партии. Оригиналы лент остались у нас.

К вечеру мастер подтвердил, что две столичные пластины имеют необычную примесь у серебряного крепления. Назвать вещество он не смог без печи и полного анализа. Учебная пластина показала тот же второй отклик, что моя.

Улла подписала предварительный отчет о дефекте теста. Севрен добавил свое имя после нее. Я поставила подпись третьей и указала, что причина загрязнения не установлена.

Дарен вернулся из Совета, когда мы переносили Орена в отдельную палату. Он выглядел так, будто не спал с момента выезда из Линна, но задавал вопросы по порядку: состояние племянника, число проверенных, контрольная группа, хранение лент, вывод мастера.

— Марек предлагал карантин, — сказала я.

— Знаю. Совет обсудит утром.

— До обсуждения нужны данные из всех стай.

— Улла передала запрос.

— Лечебницы могут прислать только то, что уже считают болезнью. Нам нужна выборка по возрасту, числу оборотов и типу семейной защиты.

— Сколько человек?

— Для начала по двенадцать из каждого округа: больные и без симптомов. И пластины с известным происхождением.

Дарен протянул мне толстую папку.

— Здесь списки тех, кого за последний месяц направляли в столицу с нарушением оборота. Канцелярия Сорна предлагала закрыть их как повторные обращения без нового диагноза.

Я не взяла папку сразу.

— Почему она у вас?

— Потому что договор дает вам доступ к историям, а канцлер решил начать спор с толкования слова «доступ».

— Вы приказали выдать документы?

— Потребовал исполнить подписанное условие. И снял с копий имена до согласия пациентов.

Это было именно то, о чем я просила. Не больше и не меньше.

— Благодарю, ваше величество.

— Вчера вы называли меня королем Дареном.

— Вчера вы не приносили мне восемьдесят историй болезни.

— Значит, титул зависит от качества канцелярской работы.

— В моей лечебнице многое зависит от качества записей.

Он передал папку. Наши пальцы не соприкоснулись; Дарен держал ее за нижний край, оставляя мне верхний.

— Завтра получите семь палат и людей для выборки, — сказал он. — Совет хочет увидеть, куда уходит резерв, если ваша версия верна.

— Я еще не говорила, что он куда-то уходит.

— Но задержка должна иметь источник и получателя.

— Верно. Только искать их будем по измерениям, а не по удобству.

— На иных условиях вы бы не приехали.

Он ушел к Орону, предварительно спросив у Неллы, можно ли войти. Я отнесла папку в рабочую комнату и открыла первую историю.

На обложке стоял номер восточного округа. На второй — северного. К пятой записи версия карантина для приезжих перестала объяснять даже порядок поступления.

ГЛАВА 4. Семь палат

Семь палат отличались только цветом шнуров на дверях.

Красный обозначал восточный округ, синий — речной, белый — северный. Для остальных Улла нашла зеленый, желтый, серый и коричневый шнуры в кладовой прачечной. Пациенты видели разделение и спрашивали, не ищем ли мы виноватую стаю. Я объясняла каждому: цвет нужен, чтобы не перепутать ленты и истории. Через час тот же вопрос задавал следующий человек.

К полудню пятого дня у нас было тридцать два согласия из восьмидесяти запрошенных. Девять семей отказались, узнав, что результаты представят Совету даже без имен. Остальные не успели получить сообщение или не могли приехать.

— Тридцать два мало, — сказал Севрен.

— Для решения об обновлении мало. Для проверки закономерности достаточно, если группы не собраны под готовый ответ.

— Богатые дома прислали больше людей. У них есть кареты.

— Поэтому считаем уровень личной защиты отдельно.

Он посмотрел на таблицу, которую я начертила на стенном листе. Возраст. Пол. Округ. Число превращений за последние трое суток. Наличие личного ограничителя. Доступ к чистой воде. Семейная защита. Симптомы. Номер пластины.

— Вам понадобится еще три писаря.

— Мне понадобится Лисса.

Я отправила ей письмо с королевским курьером накануне вечером. Просила привезти запасную раму, копии двух каменных историй и передать соседнему врачу ключи от лечебницы. Ответа ждать не могла. Лисса либо приедет, либо разумно откажется бросать четырех пациентов на временного человека. Оба решения входили в ее полномочия.

Первую группу мы проверяли на чистой учебной пластине. Вторая проходила обычный осмотр, третья отдыхала после дороги. Улла выделила двух врачей для сердца и мышц. Я отвечала за связь и останавливалась после каждого двенадцатого человека, чтобы не превратить усталость в ошибку.

К вечеру рисунок начал повторяться.

У участников из обычных домов задержка шестой иглы была длиннее. У тех, кто имел личный ограничитель, второй отклик либо не появлялся, либо оставался в пределах одного удара. Дети богатых семей болели реже, хотя входили в ту же родовую линию и жили в тех же районах.

— Ограничитель не лечит, — сказала Улла, сверяя два листа.

— Он не дает общему контуру забрать больше установленной доли. Если вред идет через переток, богатые защищены от причины.

— А если ограничитель просто снижает нагрузку на больного?

— Тогда мы должны увидеть разницу после его временной установки. Но это уже лечебное вмешательство, не наблюдение.

— Можно найти добровольца среди взрослых.

— После независимого заключения и с правом отказаться.

Севрен вздохнул.

— У вас каждый следующий шаг требует еще одного заключения.

— Поэтому пациенты переживают наши шаги.

Он начал возражать, но передумал и унес заполненные ленты в архивную комнату. За два дня Севрен не стал мягче. Зато перестал называть осторожность провинциальной привычкой.

Ночью я спала четыре часа на узкой койке в комнате дежурных. Орен проснулся от звона около третьего часа, однако судорог не было. Нелла записала время и не дала ему встать. Когда я пришла, он сердито держал кружку с соленой водой.

— От нее хочется пить еще больше.

— Так и должно быть. Выпьешь обычную через десять минут.

— Если моя семья богатая, почему у меня нет ограничителя?

Нелла отвернулась к окну.

— Потому что до клятвы их детям не ставят, — сказала я. — Тебя защищает семейная линия.

— Плохо защищает.

— Сейчас — да.

— Дядя может приказать ее исправить?

— Нет. Он может открыть данные, дать доступ специалистам и собрать Совет. Исправлять придется людям, которые знают устройство.

Орен сделал глоток.

— Тогда почему его зовут волчьим королем?

— Спроси у него.

Нелла улыбнулась, хотя выглядела измотанной.

— Я давно советую.

Утром шестого дня Лисса вошла в диагностическую палату с растрепанными волосами, дорожной грязью на сапогах и ящиком, который нес за ней недовольный возчик.

— Если вы еще раз отправите королевскую карету без записки о том, кто оплачивает обратную дорогу, я продам колесо, — сказала она вместо приветствия.

— Здравствуй. Пациенты?

— Переданы врачу Соре. Ключи у нее, деньги в верхнем ящике, расходный журнал я взяла. Госпожа Пелл отказалась пить настой и утверждает, что вы разрешили ей заменить его вином.

— Не разрешала.

— Я так и записала.

Лисса поставила запасную раму на стол. Ее присутствие сразу вернуло работе привычный порядок. Она проверила номера лент, нашла две ошибки писаря в обозначении возраста, потребовала принести нормальную еду для дежурных и за полчаса разделила пациентов не по цветам дверей, а по времени последнего превращения.

— Если искать перегруз, надо сначала смотреть на тех, кто менял форму дважды, — сказала она.

— И на личные ограничители.

— Уже вижу. У богатых почти чисто.

Тея Морн услышала последние слова. Представительница городской стаи пришла без предупреждения, в темном платье и с записной книжкой. Ей было около сорока пяти; она говорила быстро и не ждала, пока титул расчистит ей дорогу.

— Что значит «у богатых чисто»? — спросила она.

— Значит, вы вошли в рабочую палату без разрешения пациента, — ответила я.

Тея остановилась.

У рамы сидел молодой пекарь с восточным шнуром на запястье. Он натянул рукав поверх знака.

— Простите, — сказала она ему. — Я подожду снаружи.

Когда измерение закончилось, я вышла к ней с двумя обезличенными копиями.

— Совет прислал вас проверять работу?

— Совет спорит о карантине. Я пришла понять, почему жители моего округа болеют чаще, хотя мы не принимали переселенцев.

— Тогда смотрите.

Я положила ленты рядом. Два взрослых одного возраста, оба превращались один раз за трое суток, оба давали одинаковый установленный вклад. У первого задержка доходила до четырех ударов, после нее пульс долго не выравнивался. У второго линия обрывалась сразу.

— Разные стаи? — спросила Тея.

— Одна. Первый живет в наемной комнате и пользуется общим контуром без личного ограничителя. Второй принадлежит к дому, который установил собственную пластину.

— Он платит столько же силы?

— По закону — да. Получает больше защиты, потому что ограничитель не дает забрать лишнее, если сеть перегружена.

— Скажите без «отклика» и «контура».

Я взяла две кружки. В одну налила воду до черты, во вторую — столько же.

— Каждая семья отдает вот эту меру. У богатого дома на выходе стоит зажим: больше меры не уйдет. У обычного такого зажима нет, потому что общая сеть обязана ограничивать поток сама. Сейчас она забирает сверх черты.

— Куда?

— Этого мы не знаем.

— Вода не исчезает.

— Энергия тоже. Она либо расходуется в камнях, либо приходит к получателю.

Тея снова раскрыла книжку.

— Сколько стоит личный зажим?

— От шести золотых марок за установку и ежегодная проверка. Для моей лечебницы это два месяца обычных приемов.

— Для грузчика — почти год свободных денег, если дети не болеют.

— Поэтому закон обещает одинаковое ограничение в общем контуре. Частная пластина должна быть дополнительной защитой при семейной болезни, а не платой за право сохранить здоровье.

Из синей палаты вышла портниха, которую мы обследовали накануне. Она несла медицинское освобождение для мастерской и услышала последние слова.

— Хозяин вычтет этот день из жалованья, — сказала она. — Касса вернет ему когда-нибудь, а еду мне покупать сегодня.

Тея спросила разрешения записать ее случай. Женщина согласилась при условии, что мастерскую не назовут до выплаты. Я добавила номер ленты и размер задержки, но остановила разговор, когда Тея попросила описать судороги.

— Это медицинские сведения. Для Совета достаточно последствий: человек не может работать и не получает своевременной помощи.

— Я хочу, чтобы они поняли цену.

— Тогда покажите задержку возмещения, а не чужое тело без необходимости.

Портниха кивнула.

— Вот это запишите. Когда нас зовут отдать силу, никто не просит показать судороги. Почему для помощи я должна доказывать их перед семьей представителями?

Тея записала ее слова без имени. Портниха ушла в палату, а представительница городской стаи подчеркнула сумму выплаты и закрыла книжку.

— И вы собираетесь искать получателя?

— Сначала сравню объем, который отдают люди, с тем, что получает защита.

— Столичный заслон.

— Почему вы решили?

— Последние четыре года Совет каждый сезон слышит, что он стал надежнее. Расходы на кварц не выросли. Число участников почти не изменилось.

Это было предположение с основанием, но не доказательство.

— Мне нужны ведомости.

— Их хранит военное управление. Капитан Гарен Соль покажет только по приказу короля.

Дарен появился в палате через десять минут, будто Тея вызвала его одной мыслью. На деле за ним пришел посыльный, которого она отправила от входа. Я отметила обычный источник совпадения и попросила короля зайти после обследования.

Он дождался в коридоре.

— Мне нужен доступ к столичному заслону и ведомостям поступления резерва, — сказала я, выйдя.

— На каком основании?

— Участники без ограничителей теряют больше расчетной доли. Тея указала на рост мощности заслона без роста числа вкладчиков. Я хочу проверить.

— Военные данные закрыты.

— Тогда дайте обезличенные суммы по сезонам.

— Для этого все равно придется открыть счетную комнату.

— Вы подписали доступ к данным, связанным с болезнью.

— Я подписал доступ к медицинским данным.

— Вот и спор о толковании, только теперь с вашей стороны.

Дарен посмотрел на Тею. Она не пыталась сделать вид, что оказалась рядом случайно.

— Если вы покажете ей только суммы, восточная граница не рухнет, — сказала она. — А если откажете, на заседании я спрошу, почему король боится арифметики.

— Я не боюсь арифметики. Я боюсь, что открытые сведения о сезонной нагрузке подскажут противнику слабые месяцы.

— Мне не нужны месяцы, — сказала я. — Дайте годовые суммы и текущий уровень без распределения по участкам.

Дарен обдумал запрос.

— Хорошо. Вы, я, Тея и Гарен. Без копий карты. Суммы записывать можно.

— Улла тоже.

— Она не оставит лечебницу сегодня.

— Тогда заверит метод подсчета завтра.

— Согласен.

Столичный заслон находился на восточной стене Линна, в башне, где каменная кладка была вдвое толще обычной. Мы ехали туда в закрытой карете. Тея всю дорогу читала мои предварительные таблицы. Дарен сидел напротив и смотрел в окно. Его молчание не казалось ни угрозой, ни заботой. Он просто не мешал человеку работать.

У башни нас встретил капитан Гарен Соль, широкоплечий мужчина с проседью в темной бороде. Он носил форму без парадной перевязи и сразу уточнил, что покажет только счетную комнату.

— Лекарь не подходит к внутреннему камню ближе чем на десять шагов, — сказал он.

— Я не собираюсь его трогать.

— Это говорят все специалисты до первой интересной трещины.

— Тогда поставьте мелом черту.

Гарен посмотрел на Дарена.

— Она всегда так отвечает?

— С утра — мягче, — сказал король.

Я не стала исправлять его наблюдение.

В счетной комнате стояли семь механических барабанов, по одному на окружную линию. Восковые ленты двигались медленно, фиксируя поступление резерва. Здесь не требовалось чувствительности лекаря: цифры снимали обученные счетоводы, сравнивали с нагревом камней и расходом на заслон.

Гарен принес годовые книги. За пять лет число участников выросло меньше чем на два процента. Среднее число превращений почти не изменилось. Поступление резерва поднялось на девятнадцать процентов, особенно за последние два года.

— На что ушла разница? — спросила я.

— На укрепление восточного участка, — ответил Гарен. — После нападения у Белой расселины король приказал поднять дальность заслона.

— За счет чего планировали получить резерв?

Гарен открыл папку с расчетом.

— Новые пластины должны уменьшить потери при передаче. По отчетам Хранителя, мы перестали терять примерно пятую часть на полевых узлах.

— Если потери уменьшились, участники не должны болеть от перерасхода.

— Я военный, лекарь Таль. Могу показать вход и выход. Что происходит между ними, объясняют мастера клятвы.

На входе резерв тоже вырос. Это исключало простое улучшение проводимости. Сеть не только доставляла больше из прежнего объема — она забирала больше у людей.

— Видите дату первого скачка? — спросила я.

Дарен стоял рядом с книгой.

— Пять лет назад. После моего приказа.

Гарен положил поверх страницы копию распоряжения. «Увеличить дальность столичного заслона на один восточный переход до окончания переселения приграничных деревень». Ни слова о повышении личного вклада. Ни слова о глухой примеси, которую мы еще не умели назвать. Внизу стояли подписи Марека Сорна, трех мастеров и Дарена Норра.

— Вы знали, как получают дополнительную силу? — спросила я.

— Мне представили расчет снижения потерь, — ответил Дарен.

— Проверяли?

— Гарен подтвердил рост выхода.

— Выход вырос вместе со входом.

— Тогда мы не измеряли медицинские последствия по округам.

— Потому что не искали.

— Да.

Он не стал перекладывать подпись на канцлера. Это усложняло мою готовую оценку. Проще было бы услышать, что короля обманули и он ни за что не отвечает. Дарен выбрал другой ответ.

Тея перелистала ведомость.

— Обычные дома платили телом за приказ, о котором не знали.

— Если измерения Вераны подтвердятся, — сказал Дарен, — именно так.

— Они уже подтверждаются.

— Механизм подтверждается. Намерение и способ изменения — еще нет.

Он повторил мое собственное разделение факта и вывода. Я не могла возразить только потому, что слова принадлежали ему.

— Мне нужно обследовать полевой узел, — сказала я. — Тот, где вход растет сильнее всего.

Гарен провел пальцем по таблице.

— Узел у Старой дороги. Он принимает восточную и часть речной линии.

— Кто обслуживал его последние пять лет?

— Бригады Хранителя клятвы. Состав менялся.

— Материалы?

— Центральный склад.

Дарен закрыл книгу.

— Для доступа к полевому узлу потребуется решение Совета. Мой приказ связан с изменением, и единоличное разрешение будет выглядеть попыткой контролировать проверку.

— Вы могли подумать об этом до подписи.

— Мог.

На обратном пути Тея уехала отдельно, чтобы подготовить выступление. Я сидела напротив Дарена и держала папку с суммами. Он выглядел усталым, под глазами залегли тени. Королевский след на запястье был темнее, чем утром.

— У вас аритмия? — спросила я.

— Иногда после усиления заслона.

— Это известно врачу?

— Улле.

— Когда вы в последний раз превращались?

— Вчера до выезда.

— До обследования Орена больше не меняйте форму.

— Вы не мой лекарь.

— Это бесплатный совет.

— Теперь я понимаю, почему ваша лечебница мало зарабатывает.

Сухая реплика прозвучала неожиданно. Я посмотрела на него и впервые заметила, что рядом с Дареном можно не только спорить.

— Моя лечебница мало зарабатывает, потому что королевская касса возмещает бедным пациентам через три месяца.

— Это уже не бесплатный совет.

— Нет. Это жалоба налогоплательщика.

Он обещал проверить сроки. Я не знала, выполнит ли, и не собиралась засчитывать обещание как поступок.

У входа в лечебницу нас ждал посыльный Совета. Марек созывал срочное заседание. В приложении к приглашению лежал его предварительный доклад: рост болезней связывался с возможной диверсией восточной стаи, а обследование узла предлагалось отложить до проверки переселенцев.

Внизу стояло время заседания — через сорок минут.

— Он быстро пишет, — сказала я.

Дарен прочитал первую страницу.

— Он готовил этот доклад до нашего визита к заслону.

— Тогда принесем в Совет цифры вместо подозрения.

ГЛАВА 5. Цена молчания

В зал Совета меня не пустили с дорожным ящиком.

Начальник дворцовой охраны сослался на правила: стеклянные иглы можно использовать как оружие, кварцевые пластины — разбить, растворы — выплеснуть в лицо представителю. Я согласилась оставить спирт и ножницы, но восковые ленты отдавать отказалась.

— Тогда заседание начнется без ваших доказательств, — сказал он.

— Значит, закончится без моего заключения.

За моей спиной ожидали Тея и Улла. Дарен уже находился в зале и не видел спора. Я могла послать за ним, получить исключение и войти под защитой королевского приказа. Вместо этого попросила книгу досмотра.

— Запишите номера всех лент и целость печатей. Я передам ящик вам как хранителю, а вы внесете его в зал после разрешения председателя. Если хоть одна печать будет повреждена, отвечаете по закону о медицинских данных.

Начальник охраны перечитал предложенную запись. Запрет не требовал изъятия доказательств, только контроля над опасными предметами. Через пять минут я вошла в зал с ящиком, который нес стражник. Он поставил его у моего стола и остался рядом.

— Можно было просто позвать короля, — тихо сказала Улла.

— Тогда в следующий раз без него меня не пустили бы снова.

Зал Совета оказался меньше, чем я помнила по дню суда над отцом. Тогда мне было шестнадцать, люди на возвышении казались далекими, а каждое слово разносилось под куполом. Теперь семь представителей сидели за полукруглым столом на расстоянии нескольких шагов. Дарен занимал место в центре, но его кресло не было выше остальных.

Марек уже разложил карты восточной границы. Рядом лежали отчеты о двух нападениях и список переселенных деревень. Он готовился говорить о войне, пока я несл в зал медицинские ленты.

Председательствовала Тея. Она заняла свое место, проверила присутствующих и объявила предмет заседания: рост нарушений оборота, возможная связь с общей клятвой и запрос на обследование полевого узла.

— Канцлер Сорн просил срочно представить сведения об угрозе границе, — сказала она. — Начнем с них, затем заслушаем врачей.

Марек поднялся.

— За последние шесть недель восточные дозоры отразили два вооруженных перехода. Три деревни переведены за внутреннюю линию. Вместе с переселенцами в Линн прибыли первые семьи, чьи дети не завершили оборот. Мы не имеем права исключать умышленное заражение или применение неизвестного средства против наших линий.

Он говорил без лишней тревоги. Карта подтверждала, что угроза реальна: две красные отметки стояли у дороги, по которой шли беженцы. Представитель восточной стаи, пожилой мужчина с перевязанной кистью, выслушал доклад до конца.

— Вы обвиняете людей, чьи дома защищали ваши заставы? — спросил он.

— Я предлагаю проверить путь распространения.

— Карантином только для восточных.

— Пока источник неизвестен, мы начинаем с группы, после прибытия которой выросло число случаев.

Тея повернулась ко мне.

— Лекарь Таль, есть ли медицинское основание связывать болезнь с переселенцами?

— Нет доказанного пути передачи, — ответила я. — Симптомы встречаются у людей, которые не общались с ними, пили воду из других источников и принадлежат к разным семьям.

Марек открыл список.

— Вы можете доказать отсутствие общения в столице?

— В двух случаях — могу. Один пациент не покидал северный округ последние три месяца и приехал только по запросу лечебницы. Второй живет в закрытом доме речной стаи, где посетителей записывают. Оба заболели до прибытия последней группы переселенцев.

Я передала копии историй председателю. Имена были закрыты полосой бумаги, источники подтверждены печатями окружных врачей.

— Этого достаточно, чтобы исключить диверсию? — спросила представительница северного округа.

— Нет. Этого достаточно, чтобы не объявлять происхождение механизмом болезни. Если существует инфекция или яд, нужны анализы и способ передачи. Пока единственный повторяемый признак — связь семьи с общим контуром и отсутствие личного ограничителя.

— Клятва действует на тысячи людей, — возразил мужчина из речной стаи. — Почему больны десятки?

— Мы видим тех, кто пришел в лечебницу. Слабый звон, жажду и долгий возврат после оборота многие считают обычной усталостью. Кроме того, риск выше после двух превращений и у подростков перед первым оборотом.

— То есть вы предполагаете тысячи скрытых больных?

— Я не называю число без измерений.

— Удобно.

— Гораздо удобнее назвать виноватыми людей с востока до измерений.

Председатель восточной стаи стукнул здоровой рукой по столу. Тея потребовала порядка, однако спор уже сместился туда, куда хотел Марек: представители защищали округа, а не обсуждали устройство сети.

Я достала две ленты.

— Эти записи принадлежат людям одного возраста из одной стаи. Одинаковое число оборотов, одинаковый установленный вклад. У человека без личного ограничителя сеть забрала больше. Разница появляется до любого контакта с переселенцами.

Тея пустила ленты по кругу. Не все умели читать шестую линию, поэтому Улла объяснила показатель и назвала результаты третьей контрольной пластины. Она говорила как глава столичной лечебницы, чья репутация зависела от признания собственного дефектного оборудования.

— Две партии из центрального склада дают ложное выравнивание, — закончила она. — Учебная пластина и дорожная пластина лекаря Таль воспроизводят задержку. Причина примеси устанавливается.

— Мастер уже дал заключение? — спросил Марек.

— Предварительное. Для полного анализа нужна печь.

— Значит, мы не знаем, загрязнение ли это или особенность старого кварца.

— Мы знаем, что новый кварц скрывает симптом, — ответила Улла.

Дарен до этого не вмешивался. Теперь он положил перед Советом ведомости заслона.

— Вход резерва вырос на девятнадцать процентов за пять лет, — сказал он. — Увеличение началось после моего приказа расширить дальность восточной защиты. Расчет обещал снизить потери. Данные показывают, что сеть стала получать больше от участников.

Несколько представителей заговорили одновременно. Марек не изменился в лице.

— Поступление выросло потому, что новые проводники работают устойчивее, — сказал он. — Раньше счетные барабаны теряли часть слабых импульсов.

— Тогда тела участников не показывали бы превышение вклада, — возразила я.

— Если ваши ленты прочитаны верно.

— Поэтому я прошу доступ к узлу у Старой дороги. Мы сравним вход до камня, выход после него и состав пластин.

Представитель речной стаи перелистал доклад.

— Этот узел принимает две линии. Ошибка лекаря может оставить без защиты дороги и переправу.

— Я не предлагаю его размыкать, — сказала я. — Осмотр, образец из внешней трещины, замер на боковых пластинах.

— У вас ограниченная лицензия.

— Поэтому со мной будет второй лекарь с полным правом. И независимые свидетели.

— Кто?

— Улла Керн или Ида Ренн. Тея как представитель Совета. Мастер узла и капитан стражи при необходимости.

Марек сложил руки перед собой.

— Ида Ренн восемнадцать лет отказывается от государственных работ. Улла нужна в лечебнице. Лекарь Таль предлагает поставить две окружные линии под угрозу ради версии, которая удобно оправдывает ее отца.

К этому я была готова хуже, чем к разговору о цифрах. В зале стало очень тихо; никто не перебивал, потому что фамилия Илара превращала медицинский спор в старое дело.

— Мой отец верил, что в контуре есть переток, — сказала я. — Четыре человека погибли после того, как он разомкнул работающий узел без полной разгрузки. Я не предлагаю повторять его действие. Его вина не делает нынешние ленты чистыми.

Марек ожидал, что я стану отрицать вторую часть. Он задержал ответ всего на секунду, но я заметила.

— Значит, вы признаете решение комиссии?

— Я признаю четыре смерти и последовательность действий. Причины перетока комиссия не исследовала после аварии.

Дарен посмотрел на меня. Я не могла определить, удивило ли его признание. Он ничего не сказал за меня.

Тея вернула разговор к запросу.

— Какие риски самого обследования?

— При осмотре без размыкания — нагрев пластины, если поток перегружен, и сенсорная нагрузка на лекаря, — ответила я. — Худший риск появляется, если мастер нарушит порядок или кто-нибудь попытается снять камень. Поэтому прошу отдельный запрет на демонтаж до окончания проверки.

— А риск оставить все как есть до обновления?

— Рост числа больных. При постоянном закреплении неисправности — массовый обратный удар во время подтверждения вкладов. Точный масштаб неизвестен.

Марек раскрыл свод правил.

— Каждый взрослый участник уже согласился на ежегодный вклад. Обновление не требует нового подключения от старых линий, только проверки.

— Согласие дано на ограниченную долю, — сказала Тея. — Если забирают больше, может ли человек остановить вклад до выяснения?

Вопрос прозвучал так буднично, что двое представителей сперва не поняли значения.

Марек ответил неохотно:

— Правило суточной приостановки существует для болезни. Участник объявляет отказ перед двумя совершеннолетними свидетелями. Через сутки связь возобновляется, если нет заключения лекаря.

— Почему врачи не сообщают об этом пациентам? — спросила Тея.

— Потому что массовая приостановка ослабит заслоны. Право предназначено для отдельных случаев, а не для политической кампании.

— Право предназначено для человека, — сказала я. — Если его здоровье под угрозой, он должен знать о выборе.

Представитель северной стаи покачала головой.

— Вы предлагаете тысячи личных решений в разгар нападений.

— Я предлагаю сначала измерить вред и дать медицинские рекомендации. Скрывать само правило — уже решение за тысячи людей.

Дарен взял слово.

— Пять лет назад я подписал усиление заслона, считая, что оно снизит потери в камнях. Я не проверил медицинские показатели, потому что их не собирали вместе. Сейчас есть основания сомневаться в расчете. Отказ в обследовании защитит мою подпись, границе он не поможет.

— Ваше величество, — начал Марек, — открытый спор о надежности клятвы перед обновлением...

— Не отменяет измерений. Я разрешаю доступ к военным ведомостям и поддерживаю осмотр узла с запретом на размыкание.

— Король не может единолично разрешить работу лекарю с ограниченной лицензией, — напомнил речной представитель.

— Поэтому вопрос поставлен перед Советом.

Тея объявила короткий перерыв. Представители ушли в соседнюю комнату, оставив Дарена, Марека и приглашенных у стола. Я закрыла ящик и проверила печати. Руки оставались спокойными до тех пор, пока Улла не спросила, нужна ли вода.

— Нужна, — признала я.

Дарен сам налил из графина, но поставил стакан на стол, не подавая в руки.

— Почему вы сказали об ошибке Илара? — спросил он.

— Потому что это правда.

— Вы могли ограничиться нынешними данными.

— Тогда Марек повторял бы обвинение на каждом заседании. И был бы прав в одном: я использовала бы дело отца только там, где оно мне выгодно.

Он оперся на край соседнего стола.

— На суде вы тоже знали о порядке размыкания?

— Мне было шестнадцать. Я знала то, что отец писал в тетради, и считала, что взрослые разберутся лучше.

— Тетрадь передали вы?

Вопрос попал в место, которое я привыкла обходить даже в мыслях. Я выпила воду и поставила стакан.

— Не сейчас.

— Понял.

Дарен не извинился за вопрос и не стал делать вид, что не задавал его. Просто отошел к окну. Мне было легче выдержать это, чем сочувствие.

Марек разговаривал с Уллой у другого конца стола. Он напоминал ей о нехватке мест и предлагал оставить исследование Иде. Улла отвечала, что не передает ответственность отсутствующему специалисту. Со стороны их спор звучал как обычное обсуждение нехватки мест, а не попытка закрыть расследование.

Совет вернулся через двадцать минут.

— Решение принято пятью голосами против двух, — объявила Тея. — Создается временная медицинская проверка под руководством Уллы Керн. Лекарь Таль допускается к поле-

вому узлу как специалист по диагностике. Срок предварительного заключения — двенадцать дней.

— До обновления остается пятнадцать дней, — сказала я.

— Три дня Совету нужны на решение и подготовку, — ответила представительница севера.

— Если ухудшение начнется раньше?

— Улла вправе созвать экстренное заседание по медицинским показаниям.

Тея продолжила:

— Любое разрушение, снятие основного камня или размыкание линий запрещено. Образцы берутся только из внешних трещин. Присутствуют мастер узла, три свидетеля Совета и охрана. Все результаты копируются в трех экземплярах.

— Кто отвечает за доставку? — спросил Марек.

— Капитан Соль. Король не входит в число обязательных участников, но вправе присутствовать как подписант приказа об усилении.

Дарен согласился.

Представитель речной стаи указал на меня.

— Если версия не подтвердится, ограничение ее лицензии становится полным запретом на государственную работу.

— А если подтвердится? — спросила Тея.

— Совет пересмотрит допуск.

— Запишите симметричную цену, — сказал Дарен. — При подтверждении два представителя, голосовавшие против обследования, публично объяснят, на каких данных основывались.

Речной представитель вспыхнул.

— Вы угрожаете Совету?

— Нет. Предлагаю, чтобы риск ошибки не нес один лекарь.

После короткого спора условие внесли в решение. Это не спасало мою лицензию, но меняло привычный порядок: люди на возвышении тоже должны были отвечать за отказ видеть данные.

Марек подписал протокол последним.

— Узел у Старой дороги обслуживают завтра, — сказал он. — Плановая замена внешней пластины назначена до вашего приезда. Я прикажу остановить работы.

— Когда назначили замену? — спросила я.

— Три недели назад. Рабочие уже в пути.

— Им можно передать семафорный сигнал?

— До ближайшей башни. Затем курьером.

Тея сняла копию решения и отправила посыльного прямо из зала. Мы задержались, чтобы опечатать ленты и распределить экземпляры: один лечебнице, один Совету, один мне. Дарен поставил подпись под военными ведомостями. Марек забрал только протокол.

Когда я вышла во двор, уже стемнело. Лисса ждала у кареты с дорожным хлебом и моим плащом.

— Мы едем сегодня? — спросила она.

— На рассвете. До узла четыре часа верхом, каретой дольше.

— Улла поедет?

— Да. И трое представителей. Нам нужно собрать растворы для обратного удара и проверить запасные пластины.

К нам подбежал посыльный Теи. Он держал свернутую полосу семафорной записи.

— Башня приняла запрет, но курьер до узла не добрался, — сказал он. — Ремонтная бригада получила другой приказ. Им велено начать срочную замену на рассвете.

— Чья подпись? — спросил подошедший Дарен.

Посыльный развернул полосу.

— Канцелярия Хранителя клятвы. Приказ отправлен вчера вечером.

Марек подготовил замену раньше, чем Совет разрешил нам увидеть старый камень.

— Выезжаем сейчас, — решила я. — Если рабочие снимут пластину, сравнивать будет нечего.

Гарен собрал две закрытые кареты и сменных лошадей. Верхом мы добрались бы быстрее, однако счетные рамы нельзя было везти галопом, а Улла отказалась обследовать узел после ночи в седле. Дарен предложил обернуться и догнать бригаду в волчьей форме. Я напомнила об аритмии и вчерашнем обороте.

— Вы по-прежнему не мой лекарь, — сказал он.

— Зато я единственный человек рядом, который видел ваш знак после перегруза.

Гарен поддержал поездку в карете: король в одиночку мог остановить рабочих, но не сохранить старую пластину, если они уже начали размыкание. Дарен принял довод без нового спора.

Лисса уложила чистые пластины между свернутыми одеялами. Улла взяла растворы и обычные сердечные лекарства. Я проверила три экземпляра решения Совета и положила свой во внутренний карман.

Мы выехали из Линна после первого ночного колокола. Впереди шел отряд Гарена с приказом Совета, за ним — карета лекарей. Дарен ехал во второй и не превращался. Это было первое последствие медицинского совета, которое он исполнил, хотя мог сослаться на срочность.

ГЛАВА 6. Глухая примесь

Узел у Старой дороги был наполовину разобран, когда мы приехали.

Основной камень оставался в земляной камере, но над входом уже лежали снятые медные полосы. Двое рабочих вытаскивали из креплений внешнюю пластину. Третий вращал ручной ворот, ослабляя боковой зажим. Поток еще шел: на контрольном столбе дрожала синяя игла, а по металлическим скобам пробегала мелкая белая искра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.